

— доктор филологических наук Парижского университета, литературовед, собиратель, хранитель и исследователь культурного наследия зарубежной России. Автор, соавтор и составитель 40 книг (из них 29 изданы на русском языке) о писателях и художниках-эмигрантах, а также более 400 научных и публицистических статей по литературе и искусству русской эмиграции.

**К 145-ЛЕТИЮ СО ДНЯ
РОЖДЕНИЯ И.А. БУНИНА
«Я ВЫРОС В БУНИНСКИХ
МЕСТАХ...»**

**ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ
«БУНИНСКИЕ ОЗЕРКИ». № 1 (2015)**

Иван Алексеевич ушел из жизни в изгнании, в Париже. Он умер в год смерти Сталина. Стоит напомнить, что год его рождения совпал с годом рождения В.И. Ленина. Такая вот ирония судьбы. Культ большевистского вождя заслонил собой юбилей великого русского писателя, сделал невозможным его празднование в 1970 году. Так продолжалось долгие годы. Ведь И.А. Бунин был идейным врагом В.И. Ленина, его антиподом. Кроме ценителей настоящей литературы и профессиональных филологов, писателя в СССР мало кто знал. С тех пор прошло достаточно много времени. В России произошли существенные перемены. Было бы интересно в связи с этим проследить, как этапы творчества и жизни И.А. Бунина воспринимались советской и постсоветской критикой. Как и в каком направлении переоценивались его труды. По работам буниноведов этот литературный идеологический процесс прослеживается четко и однозначно. Начиная со статей Твардовского и заканчивая обычной советской практикой «пробивания» в печать с помощью классиков советской литературы тех или иных «сомнительных» с точки зрения советского официоза произведений. Известно, что именитые и вознесенные властью писатели, как например Твардовский и Симонов, способствовали

— docteur en études slaves, critique littéraire, collectionneur et conservateur de l'héritage de l'Émigration russe. Auteur, co-auteur de plus de 40 livres (dont 29 publiés en russe) sur les écrivains et les peintres émigrés en France et de plus de 400 articles sur la littérature et l'art de l'émigration russe.

**POUR LE 145ÈME ANNIVERSAIRE
DE I. A. BOUNINE
«J'AI GRANDI DANS LES LIEUX
D'INSPIRATION DE BOUNINE...»
L'ALMANACH LITTÉRAIRE.
BOUNINSKIE OZERKI. N°1 (2015)**

Ivan Alexeïevitch est mort en exil, à Paris. Il est décédé la même année que Staline et son année de naissance correspondait à celle de V. I. Lénine. Quelle triste ironie du sort! La célébration de l'anniversaire de Bounine en 1970 a dû s'effacer devant les fêtes commémorant la personnalité du grand chef bolchevique. Ainsi s'écoulèrent de longues années... I. A. Bounine étant l'ennemi idéologique et l'antipode de V. I. Lénine, personne en Union soviétique, sauf les vrais amateurs des Lettres et les spécialistes en littérature russe, ne connaissait cet écrivain majeur du XXème siècle.

Depuis lors des changements considérables se sont produits en Russie, ce qui nous donne la possibilité de revoir comment toutes les étapes de la vie et de l'oeuvre de I. A. Bounine étaient perçues

par la critique soviétique et post-soviétique, s'il a eu lieu (et de quelle manière) une réévaluation de son héritage littéraire au XXème siècle. Les recherches des spécialistes de Bounine montrent parfaitement ce processus idéologique en commençant par les articles de Tvardovski et en finissant par les textes soviétiques où on peut voir cette pratique bien répandue en URSS de publier avec les «grands classiques» les oeuvres des écrivains dont les qualités restaient jugées idéologiquement «douteuses» d'après les organes officiels. Il est bien connu que Tvardovski ou Simonov pouvaient favoriser la publication des livres interdits, en écrivant une simple préface, une «bénédiction» courte de quelques lignes, et des «recensions internes» des éditions. Grâce à ses auteurs ont vu le jour d'abord le tout premier volume de Bounine, puis cinq volumes (édition du magazine «Ogoniok»), après neuf volumes avec une préface de A. T. Tvardovski et les commentaires de A. K. Baboreko et O. N. Mikhaïlov et enfin la dernière parution est arrivée, 8 volumes commentés et présentés par Baboreko dans les éditions *Moskovskii komsomol* (Ouvrier de Moscou).

Je raconte tout cela non sans une idée préconçue. Arrivé en URSS en 1968 en tant que doctorant-stagiaire je suis allé voir, à la demande de B. K. Zaitsev, A. K. Baboreko et O. N. Mikhaïlov. Il est difficile de se rappeler les événements s'étant passés il y a 47 ans. Pourtant je n'ai pas oublié comment cette entrevue avec Baboreko avait eu lieu, entrevue organisée avec toutes les précautions, selon les meilleures pratiques conspiratrices.

своими предисловиями, короткими «благословениями» в несколько строк, а также «внутренними рецензиями» выходу из печати многих запрещенных книг. Ведь благодаря им в Советском Союзе сначала вышел однотомник, потом «огоньковский» пятитомник, затем девятитомник сочинений И.А. Бунина с предисловием А.Т. Твардовского и комментариями А.К. Бабореко и О.Н. Михайлова и, наконец, последнее, самое полное издание — восьмитомник, составленный Бабореко в издательстве «Московский рабочий».

Говорю об этом не без определенного умысла. Приехав в СССР в 1968 году в качестве стажера-аспиранта МГУ, я встретился по просьбе Б.К. Зайцева с А.К. Бабореко и О.Н. Михайловым. Нелегко вспомнить в деталях, что происходило сорок семь лет назад. Тем не менее я не забыл, как проходила встреча с Бабореко, обставленная по всем правилам конспирации. Я должен был ему передать что-то для него очень важное. Мы встретились неподалеку от Библиотеки им. Ленина. Он, получив то, что хотел, тут же исчез, словно испарился, — тут же исчез, словно испарился. Но незадолго до его смерти наступили другие времена. Мы с ним снова встретились в Москве 29 августа 1994 года. Он пригласил меня к себе на обед и подарил свою книгу «Дороги и звонны»¹ с такой дарственной надписью: «Глубокоуважаемому и дорогому Ренэ Юлиановичу Герра в память о тех давних днях, когда мы, встретившись, маялись где-то по московским переулкам. Я безмерно рад новой встре-

че — дома, за бутылкой водки, по русскому обычаю». Не могу не привести также несколько цитат из этой правдивой, честной книги: «Мы росли в мире, в котором столько творилось зла, и чтобы не сбиться с дороги наших отцов и дедов, заповедавших нам истины добра и справедливости, надо было устоять перед напором тех, кто, к несчастью для нашего поколения, нес в мир безбожие и примитив мышления материалистов, насаждал в обществе презрение к нормам добра и стремился уничтожить весь уклад жизни народа и его святыни» (с. 18). *Незадолго до чествования Бунина [1973 г.] Макашин ездил в Париж... Ездить в Париж ему — а до него Никулину — было так же просто, как в Москве в Союз писателей. Отношение к Бунину у Макашина состояло в том, что он в качестве члена редколлегии “Литературного наследия” наблюдал за изданием бунинского тома (том 84); всю редакционную работу выполнял А.Н. Дубовиков. Макашин никогда ничего не писал о Бунине. Если же говорить совсем точно, то было у него одно сочинение: так называемая “внутренняя рецензия”, — то есть не для публикации — на мою статью “Гимназические годы И.А. Бунина”, написанную для “Известий отделения языка и литературы Академии Наук СССР”. Статья — сообщение о найденных в Орловском областном архиве документах (ф. 534), открывших некоторые важные факты из биографии юного поэта; из этих документов выяснилось, когда он по-*

Je devais lui transmettre quelque chose de très important. Nous nous sommes vus non loin de la bibliothèque Lénine. Ayant reçu ce qu’il voulait de moi il s’est enfui. Mais peu avant sa mort d’autres temps sont venus et nous nous sommes vus encore une fois à Moscou le 29 août 1994. Il m’a invité chez lui pour un déjeuner et m’a offert le livre *Les chemins et les tintements*¹ avec une dédicace suivante: «A mon cher et honorable René Ioulianovitch Guerra en mémoire de ces temps passés où, à peine connus, nous nous baladions dans de petites rues moscovites. Je suis infiniment ravi de vous revoir, à la maison, devant une bouteille de vodka, comme le veut la bonne tradition russe». Je voudrais encore citer quelques passages de ce livre vrai et honnête: «Nous avons grandi dans un monde où tant de mal se passait, et pour ne pas nous égarer et ne pas perdre la route de nos pères et nos ancêtres, nous ayant transmis la vraie valeur du bien et de la justice, nous devions rester fermes devant la pression de ceux qui apportaient dans le monde l’athéisme et le primitivisme des matérialistes, pour le malheur de notre génération, qui faisaient régner dans la société le mépris envers les normes du bien et qui aspiraient à détruire tout ordre de la vie du peuple et ses reliques sacrées» (p. 18). Peu avant l’anniversaire de Bounine [en 1973] Makachine est allé à Paris... Aller à Paris pour lui, comme avant c’était pour Nikouline, était aussi simple que d’aller à l’Union des écrivains soviétiques à Moscou. Ces rapports à Bounine ne concernaient que le travail avec le tome de Bounine (tome n°84), travail qu’il effectuait en tant que membre du conseil

de rédaction de *Literaturnoe nasledstvo* (Héritage littéraire), toute la corvée étant déléguée à A. N. Dubovikov. Makachine n’a jamais rien écrit sur Bounine. Et bien, pour être exact, il a rédigé tout de même un texte concernant l’oeuvre de Bounine: une recension interne (à ne pas publier) sur mon article «Les années de lycée de I. A. Bounine» écrit pour la revue *Izvestia otdelenia iazika i literaturi Akademii Nauk SSSR* (Bulletin du département de la langue et littérature de l’Académie des Sciences d’URSS). Cet article étudiait les documents trouvés dans les archives d’Orlov (f. 534) qui décelaient certains faits importants de la biographie du jeune auteur: quand il était entré dans le lycée d’Ielets, quand il avait abandonné ses études; dans le journal on pouvait voir des notes et des informations sur le logement de Bounine à Ielets, bref, un commentaire tout fait pour son roman *la Vie d’Arseniev!* Makachine a refusé de le publier: ce marxiste-léniniste orthodoxe a écrit alors que je n’avais pas mentionné le «rapport» de Bounine envers «les démocrates révolutionnaires». Mais Bounine n’avait même pas 11 ans quand son père l’avait amené à Ielets pour passer ses examens d’entrée en 1881!... De plus, son avant-propos élogieux (et sans principes) du livre de V. V. Lavrov «L’automne froid»² a beaucoup nuit à la culture russe pour lequel ce dernier mériterait d’être supplicié, tellement son livre était malhonnête et faux» (p. 170-171).

Aleksandr Kuzmich Baboreko était un excellent spécialiste d’oeuvre de Bounine, un homme honnête, mais effrayé par le système. Pourtant il est très bon qu’il ait eu le courage d’écrire ce livre vers la fin de

ступил в Елецкую гимназию, когда оставил учебу; в журнале успеваемости указаны отметки; есть сведения и о том, где Бунин жил в Ельце, — готовый комментарий к “Жизни Арсеньева”! Макашин статью “зарезал”: правоверный марксист-ленинист написал, что я ничего не говорю “об отношении Бунина к революционным демократам”. А Бунину было, когда отец привез его в Елец в 1881 году сдавать вступительный экзамен, неполных одиннадцать лет!.. Большой вред причинило русской культуре его хвалебное, абсолютно беспринципное предисловие к книге некоего В.В. Лаврова “Холодная осень”², за которую автора этой “Осени” казнить мало ввиду ее беспардонной лживости» (С. 170-171).

Александр Кузьмич Бабореко был прекрасным буниноведом, человеком честным, но запуганным. И все-таки очень хорошо, что в конце жизни он успел написать эту книгу. Это было важно для него и для будущих исследователей. Мне нравится и первая его книга — «И.А. Бунин. Материалы для биографии»³.

Олег Николаевич Михайлов долгие годы заведовал сектором литературы Русского зарубежья в ИМЛИ. Мы были знакомы с 1968 года, а в октябре 1986-го, уже в годы перестройки, он впервые навестил меня в Париже. Я понимаю, что советским литературоведам приходилось приспосабливаться, взвешивать каждое слово. Повторяю, дело чести исследователей — разобраться в том, что писали советские литературоведы, бунинове-

ды, что они преподносили читателю из произведений И.А. Бунина и с какими комментариями. Ведь они иногда даже переделывали произведения писателя якобы для того, чтобы способствовать новой публикации.

Не могу в связи с этим не процитировать две дарственные надписи О.Н. Михайлова: «*Может быть, дорогой Ренэ, эта первая более или менее честная статья о Буине — без экивоков и недомолвок. 4.03.1993 Париж*»⁴; «*Дорогому Ренэ Герра эту книгу, которая писалась до нашей революции, несет на себе следы застоя, но лежала в цензуре год и вышла только в Туле, — сердечно твой Олег Михайлов*»⁵ и то, что он писал в 1997 году в своей статье о Буине: «*Книга “Воспоминания” по резкости оценок не только в художественном, но и в политическом плане напоминала Бунина 1920-х (“Окаянные дни”, “Записная книжка”, “Инония и Китеж”). Написанная с исключительной силой и блеском, эта книга включает, наряду со светлыми страницами (портреты Л.Н. Толстого, Чехова, Рахманинова, Эртеля, Джером Джерома), очерки-памфлеты, исполненные язвительности и сарказма. До недавнего времени главы эти либо вообще не публиковались у нас (“Горький”, “Маяковский”, “Тегель, фрак, метель”), либо публиковались в усеченном, искажающем общий смысл виде (“Третий Толстой”, “Волошин”, “Автобиографические заметки”)*»⁶.

Мне кажется, что в год 145-летия со дня рождения И.А. Бунина пришло время окончательно подвести чер-

sa vie. C’était très important pour lui et la recherche postérieure. J’aime encore son premier livre «I. A. Bounine. Matériaux pour une biographie»³.

Oleg Nikolaïevich Mikhaïlov était longtemps chef du département de la littérature de l’Émigration russe à IMLI (Institut de littérature mondiale de l’Académie des sciences de Russie). Nous nous connaissions depuis 1968 mais en octobre 1986 il m’a rendu visite à Paris, à l’époque de la perestroïka. Je comprends que les critiques littéraires soviétiques étaient obligés de s’adapter, de considérer chaque mot publié et chaque phrase écrite. Mais j’insiste sur le fait que maintenant c’est la question d’honneur pour tous les spécialistes de savoir s’orienter dans les livres de leurs prédécesseurs soviétiques, de voir clair ce qu’ils avaient écrit sur Bounine, comment ils avaient commenté ses oeuvres. Parfois ils étaient forcés de rééditer et réécrire les oeuvres afin de «rendre possible leur publication ultérieure», en tout cas ainsi justifiaient-ils des corrections apportées aux textes de l’écrivain.

A cette occasion je voudrais citer deux dédicaces de O. N. Mikhaïlov: «*Peut-être, cher René, que c’est le premier article plus ou moins honnête sur Bounine, sans équivoques ni sous-entendus, le 4.03.1993 Paris*»; «*A très cher René Guerra ce livre écrit avant notre révolution, portant des traces de stagnation, méprisé et censuré et publié enfin à Toula, — cordialement, Oleg Mikhaïlov*»⁵ et encore ce qu’il a écrit en 1997 dans son article sur Bounine: «Le livre Mémoires avec ses remarques et jugements féroces rappelait l’oeuvre de Bounine des années 1920 («*Jours mau-*

aits», «Carnet de notes», «Inonia et Kitej») à la fois sur le plan artistique et le plan politique. Écrit avec brio et une force exceptionnelle ce livre inclut des pages pleines de sérénité (portraits de L. N. Tolstoï, Tchekhov, Rachmaninov, Ertel, Jerome K. Jerome) ainsi que des essais pleins de sarcasme et de causticité. Jusqu’aux temps récents ces chapitres n’étaient pas publiés («Gorki», «Maïakovski», «Hegel, frac, tempête de neige») ou même tout en étant publiés portaient des traces de censure, étaient caviardés et démunis de leur sens premier («le troisième Tolstoï», «Volochine», «Notes autobiographiques»)»⁶.

Il me semble que le 145ème anniversaire de I. A. Bounine nous donne la possibilité de trancher sans préambules avec toutes les publications de cette sorte sur l’écrivain et de définir enfin sa juste place dans la littérature russe et peut-être même dans la civilisation russe. I. A. Bounine est un de ces rares écrivains du XXème dont l’oeuvre est retournée plusieurs fois dans son pays natal.

Le premier retour de l’oeuvre de Bounine en Russie s’est produit pendant le «dégel» de Khrouchtchev. En 1968 j’ai déjà remarqué que ses livres avaient presque disparu des étals des bouquinistes moscovites. Evidemment il y avait un fort intérêt sincère envers Bounine à l’époque. Puis, après de longues aventures, sont sortis deux volumes de la prose de Bounine en 1973 dans la série *Literaturnoe Nasledstvo*⁷, BFL (l’Héritage littéraire, Bibliothèque de la littérature française). Pourtant on a refusé de publier les articles de B. K. Zaïtsev et G. V. Adamovitch quoique S. A. Ma-

ту под различными публикациями о писателе и без всяких околичностей обозначить его место в русской литературе и даже шире — в русской цивилизации. И.А. Бунин — один из тех редких писателей XX века, чье творчество дважды возвращалось на родину.

Первое возвращение состоялось во время хрущевской «оттепели». Я уже в 1968 году обратил внимание, что его книги в московских букинистических магазинах почти не попадались. Безусловно, тогда существовал огромный, неподдельный интерес к нему. Потом с разными приключениями в 1973 году в серии «Литературное наследство»⁷, был, наконец, издан двухтомник бунинской прозы, куда, однако, не вошли статьи Б.К. Зайцева и Г.В. Адамовича, хотя сам С.А. Макашин, член редколлегии «Литературного наследства», официально обратился к ним с просьбой написать воспоминания об Иване Алексеевиче. Напечатаны они не были, естественно, по идеологическим причинам. К счастью, Г.В. Адамович успел при жизни напечатать свой текст в «Новом журнале»⁸.

Второе триумфальное возвращение И.А. Бунина произошло в конце 80-х годов уже на наших глазах. «Окаянные дни»⁹ вышли в 1990 году не одним, а пятью изданиями, общим тиражом почти миллион экземпляров. Были напечатаны ранее запрещенные рассказы И.А. Бунина — «Под серпом и молотом», «Товарищ дозорный», «Красный генерал» и его «Воспоминания». Вокруг бунинских книг возник не просто интерес, а подлинный ажиотаж. Они выходили миллионными тира-

жами. И это, как мне кажется, редкий случай в русской и вообще в мировой литературе. Произведения И.А. Бунина актуальны и по сей день, и особенно, как представляется, «Окаянные дни».

Эта страшная книга наводит на разные, порой весьма печальные мысли, в частности, когда авторские размышления касаются характера русского народа, черт его психологии. Бунин показывает, что русский народ отнюдь не тот богоносец, каким его привыкли представлять современники писателя. Когда 16 февраля 1924 года писатель выступал в Париже с речью «Миссия русской эмиграции», он уже понимал, может быть, сначала подсознательно, а потом все с большей ясностью, что уехал из России навсегда. Вот выдержки из этой исторической речи: *«Мы в огромном большинстве своем не изгнанники, а именно эмигранты, то есть люди, добровольно покинувшие родину. Миссия же наша связана с причинами, в силу которых мы покинули ее <...> Наша цель — твердо сказать: подымите голову! Миссия, именно миссия, тяжкая, но и высокая возложена судьбой на нас <...> Если бы даже наш исход из России был только инстинктивным протестом против душегубства и разрушительства, воцарившегося там, то и тогда нужно было сказать: “Взгляни, мир, на этот великий исход и осмысли его значение. Вот перед тобой миллион из числа лучших русских душ, свидетельствующих, что далеко не вся Россия приемлет власть, низость и злодеяния ее захватчиков” <...> Что произошло?»*

kachine lui-même, membre du conseil de rédaction de cette série, se fût adressé aux écrivains avec la demande d'écrire des mémoires sur Ivan Alexeïevitch. Effectivement les articles mentionnés n'étaient pas publiés pour les raisons idéologiques. Heureusement que G. V. Adamovitch a réussi à publier son texte dans *Novii jurnal* (Nouvelle revue)⁸.

Le deuxième retour triomphal de I. A. Bounine a eu lieu à la fin des années 1980 sous nos yeux. «Les jours maudits»⁹ ont été publiés en 1990 en cinq éditions différentes, dont le tirage total dépassait 1 million d'exemplaires. De plus, les récits de I. A. Bounine dont la publication était auparavant interdite ont vu le jour: il s'agit de «Sous la faucille et le marteau», «Le Camarade patrouilleur», «Le général rouge» et effectivement de ses «Mémoires». Ce n'était pas un simple intérêt porté aux oeuvres de l'écrivain mais un vrai enthousiasme. Les tirages de ses livres atteignaient des millions d'exemplaires. Ce cas «Bounine» est assez rare non seulement pour la littérature russe, mais aussi pour toute la littérature mondiale. Les oeuvres de cet écrivain restent actuelles jusqu'à présent, surtout, à mon avis, ses «Jours maudits».

Ce livre tragique donne à réfléchir et provoque chez le lecteur des pensées parfois assez tristes, surtout quand les réflexions de l'auteur concernent le caractère du peuple russe, les traits de sa psychologie. Bounine montre que le peuple russe n'est pas ce peuple de Dieu, image tellement populaire chez les contemporains de l'écrivain. Quand le 16 février 1924 il est intervenu à Paris avec son discours «La Mission de l'émigra-

tion russe», Bounine comprenait déjà, d'abord inconsciemment et puis de plus en plus clairement, qu'il avait quitté la Russie pour toujours. Voilà quelques extraits de ce discours historique: «Nous ne sommes pas exilés, dans la majorité, mais émigrés, les gens qui ont quitté volontairement leur Patrie. Notre mission est liée aux raisons à cause desquelles nous l'avons fait. <...> Notre but est d'annoncer avec fermeté: levez votre tête! C'est la mission, notamment la mission pénible mais noble dont notre Destin nous a chargés. <...> Même si notre départ de Russie n'était qu'une révolte instinctive contre la tuerie et la destruction régnant là-bas, c'est alors qu'il aurait fallu dire: “Regarde, le monde, ce grand exode et comprends son sens. Voilà, devant toi, ce million de meilleures âmes russes, témoins du fait que toute la Russie n'accepte point le pouvoir, la bassesse et les crimes de ses envahisseurs”. <...> Qu'est-ce qui s'est passé? C'est une grande chute de la Russie, et avec elle une grande chute de l'homme. <...> La mission de l'émigration russe, ayant prouvé par son exode de Russie et par sa lutte, par ses croisades glaciales qu'elle n'accepterait jamais les villes de Lénine ni les commandements de Lénine, non seulement à cause de la peur, mais aussi grâce à son honnêteté, sa mission alors est de persévérer dans ce refus. <...> la Russie! Qui oserait m'apprendre à t'aimer?»

Etant un homme intelligent et clairvoyant, Bounine comprenait que cette époque des troubles et des catastrophes s'était installée pour longtemps, parce qu'il connaissait mieux que les autres le peuple russe. Il a eu cette connais-

Произошло великое падение России, а вместе с тем и вообще падение человека <...> Миссия русской эмиграции, доказавшей своим исходом из России и своей борьбой, своими ледяными походами, что она не только за страх, но и за совесть не приемлет Ленинских градов, Ленинских заповедей, миссия эта заключается ныне в продолжении этого неприятия <...> Россия! Кто смеет учить меня любви к ней?...»

Человек умный и прозорливый, Бунин понимал, что наступившее лихолетье воцарилось надолго, поскольку лучше, чем многие другие писатели, знал русский народ. Именно в Ельце, в Бутырках, Озерках, Васильевском он получил это сокровенное знание. Бунин подчеркивал и гордился тем, что знает русский народ изнутри, и это отнюдь не было позой.

Впервые я увидел книги И.А. Бунина у моей учительницы русского языка Екатерины Леонидовны Таубер на юге Франции, в Мужене, между Каннами и Грассом, недалеко от наполеоновской дороги, по которой Иван Алексеевич часто ездил в Канны на автобусе. У нее был застекленный книжный шкаф, и в нем-то я впервые увидел — мне было тогда лет тринадцать-четырнадцать — «Новый журнал»: корешки со шрифтом М. Добужинского, книги И.А. Бунина и Г.Н. Кузнецовой. Екатерина Леонидовна говорила, что это книги замечательного писателя и поэта — я это подчеркиваю, ведь как на Западе, так и в России даже часто забывают, что Иван Алексеевич еще и удивительный

поэт. Сама она была акмеистка, ее кумирами были Блок и Ахматова. Екатерина Леонидовна читала мне стихи Бунина, что примечательно, «под сенью олив» — так она озаглавила свою вторую книгу стихов¹⁰. Я до сих пор живо это помню, ведь мне это было так же близко, как человеку, который живет в России в бунинских местах, читает «Жизнь Арсеньева» и ранние рассказы писателя, связанные с этими местами. И как это парадоксально ни прозвучит, я тоже вырос в бунинских местах! Юг Франции, который описывает Бунин, — все это до боли знакомые мне места, это мой край родной. Здесь соединились приморские Альпы, судьбы Бунина, Зайцева, Зурова, Кузнецовой, Таубер, других писателей-эмигрантов их круга и моя собственная молодость.

В Грассе Бунин снимал сначала виллу «Бельведер», потом «Жаннет», где проводил несколько месяцев в году. Это в некоторой степени внесло в его здешнюю жизнь определенную светскую ноту: у Бунина бывали Зайцев, Шмелев, Мережковский, Гиппиус, Ходасевич, Берберова, Алданов, Степун, Рахманинов и многие другие. Мне кажется, Бунин был своеобразным магнитом. Лазурный берег притягивал к себе представителей русской культуры с давних пор. Эта традиция пошла еще от Гоголя, Тютчева, Чехова. А Чехов — один из кумиров и Бунина, и Зайцева, которые в конце жизни написали о нем книги¹¹.

Е.Л. Таубер была поэтом, прозаиком и литературным критиком, выпустила пять стихотворных сборни-

сance intime à Ielets, à Boutirki, à Ozerki, à Vasilievskoe... Bounine soulignait et était même fier de cette connaissance du peuple russe, de ses profondeurs, cette affirmation n'étant nullement une pose.

Pour la première fois j'ai vu les livres de I. A. Bounine chez ma professeure de la langue russe Ekaterina Léonidovna Tauber dans le Midi, à Mougins, entre Cannes et Grasse, pas loin de la route Napoléon que Ivan Alexeïevitch empruntait chaque fois pour aller à Cannes en bus. Ekaterina Léonidovna avait une bibliothèque vitrée où j'ai vu pour la première fois — j' n'avais alors que 13 ou 14 ans — *Novii jurnal*: des dos de livre avec les caractères de M. Doboujinskii, des livres de I. A. Bounine et G. N. Kouznetsova. Ma professeure disait souvent que c'étaient les livres d'un excellent poète et écrivain, et je tiens à le souligner parce que les gens oublient en Russie ainsi que dans l'Occident que Ivan Alexeïevitch était aussi un poète extraordinaire. Ekaterina Léonidovna était «akméiste», ses idoles étant Blok et Akhmatova. Elle me citait les poèmes de Bounine, le fait remarquable, «à l'ombre des oliviers» - tel était le titre de son deuxième recueil de poèmes¹⁰. Je me rappelle jusqu'à présent sa lecture parce que cela me touche aussi vivement qu'un homme russe qui habite en Russie dans les lieux d'inspiration de Bounine, qui lit «La Vie d'Arseniev» et les premiers récits de l'écrivain liés à ces endroits. Quel que soit le paradoxe, mais moi aussi j'ai grandi dans les lieux où habitait Bounine! Le Midi de la France décrit par Bounine ce sont les lieux que je connais trop bien, c'est mon pays natal. C'est ici que se joignent les Alpes maritimes, les destins de Zaitsev, Bounine, Zurov, Kouznetsova, Tauber et

bien d'autres écrivains émigrés de leur entourage — et ma jeunesse bien sûr!

A Grasse Bounine louait d'abord la villa *Belvédère*, puis la villa *Jeannette* où il passait quelques mois de l'année. Cela a introduit dans sa vie une certaine mondanité: il accueillait chez lui Zaitsev, Chmeliov, Merejkovski, Hippus, Khodassevitch, Berberov, Aldanov, Stepun, Rachmaninov et bien d'autres. Je pense que Bounine était une sorte d'aimant attirant tous comme depuis longtemps le faisait la Côte d'Azur, surtout avec les représentants de la culture russe. La tradition de venir en Provence a commencé avec Gogol, Tioutchev, Tchekhov. Et Tchekhov était une des idoles de Bounine et Zaitsev qui ont écrit à la fin de leurs vies des livres sur le dramaturge¹¹.

E. L. Tauber était poète, écrivaine et critique littéraire, elle a publié cinq recueils de poèmes mais restait toujours une personne modeste et très simple. Elle a vu Bounine après la guerre à Juanles-Pins et j'ai conservé leur correspondance. Dans son journal intime Bounine a hautement apprécié son oeuvre. Et ce n'était pas un effet de hasard étant donné que les poèmes de Ekaterina Léonidovna ressemblaient beaucoup à ceux de G. N. Kouznetsova, muse de I. A. Bounine. Voilà une dédicace éloquente sur le livre «Journal de Grasse»¹²: «A mon âme soeur, très chère Ekaterina Léonidovna, cordialement — Galina Kouznetsova. Août 1971 à Munich». On a conservé la correspondance de Tauber avec Galina Nikolaevna où Kouznetsova elle-même le rappelle. Après la mort de Bounine Vera Nikolaevna a écrit à Ekaterina Léonidovna qu'elle lui enverrait le livre

ков, при этом всегда оставалась очень скромным человеком. Она встречалась с Буниным уже после войны в Жуанле-Пен, у меня сохранилась их переписка. Бунин в дневнике дал высокую оценку ее творчеству. И это неслучайно, ведь стихи Екатерины Леонидовны душевно близки, родственны стихам Г.Н. Кузнецовой, музыки И.А. Бунина. Вот красноречивая дарственная надпись на книге «Грасский дневник»¹²: «Родственной душе — милой Екатерине Леонидовне сердечно — Галина Кузнецова. Август 1972 Мюнхен».

Сохранилась переписка между Таубер и Галиной Николаевной, где сама Кузнецова упоминает об этом. Уже после смерти Бунина Вера Николаевна писала Екатерине Леонидовне, что вышлет ей книгу «Митина любовь», опубликованную в нью-йоркском издательстве имени Чехова, но, к своему сожалению, вынуждена подписать ее уже вместо Ивана Алексеевича сама. Именно в этом контексте и состоялась моя «встреча» с великим писателем-эмигрантом. Хочу отметить, что в тот момент мало кто из западных славистов интересовался Буниным. Ярлык белогвардейца мешал ему не только в советской России, но и на Западе. Он был во главе «Белой библиотеки», «не принял и не понял великую Октябрьскую революцию», он «не остался со своим народом», ушел в эмиграцию. И я убежден, что отрицательный подход, отсутствие интереса со стороны западных славистов имели под собой ту же самую основу.

Как ни странно, даже Нобелевская премия, присужденная Бунину

в 1933 году, не изменила существующее положение. Он был первым из русских писателей, удостоенным столь высокой награды по литературе, и благодаря ей Бунина стали переводить. Но это длилось недолго, и как ни странно, у него значительно меньше переведенных на французский язык книг, чем, например, у другого писателя-эмигранта А.М. Ремизова. Самое престижное как тогда, так и по сей день издательство «Галлимар» выпустило несколько переводов, но каких книг? «Деревня»¹³, «Господин из Сан-Франциско»¹⁴, чей идейный уклон очевиден: в них будто бы звучит критика царской России. И это общая участь писателей первой волны послеоктябрьской эмиграции — их почти не переводили. Например, у Бориса Зайцева за 50 лет жизни в эмиграции на французском языке вышли всего лишь две книги: «Анна» и «Золотой узор»¹⁵.

Письма И.А. Бунина своему литературному агенту М.А. Гофману открывают малоизвестные страницы биографии писателя, связанные с изданием его книг на французском, английском и немецком языках. Нас интересует прежде всего история с французским изданием бунинских «Воспоминаний»¹⁶, которое вышло 14 декабря 1950 года в Париже. Из писем мы узнаем, что «Воспоминания» предлагались также издательствам «Галлимар», «Плон», но контракт был подписан все-таки с Кальман-Леви. По этим письмам видно, что еще до появления русского издания¹⁷ писателем был заключен договор с французским издателем. Но французский вариант

«L'Amour de Mitia» publié dans les éditions Tchekhov à New York mais malheureusement elle devrait le signer déjà au lieu de Ivan Alexeïevitch. C'est dans ce contexte-là que ma «rencontre» avec ce grand écrivain émigré s'est produite. J'ai à souligner qu'il y avait à l'époque très peu de spécialistes en études slaves s'intéressant à l'oeuvre de Bounine. Cette marque de garde-blanc l'empêchait non seulement en Russie mais aussi dans l'Occident. Étant à la tête de la «Bibliothèque blanche», il «n'avait pas accepté et n'avait pas compris la Grande révolution d'octobre», il «n'était pas resté avec son peuple», il avait émigré. Et je suis persuadé que ce refus de l'étudier et de s'intéresser à son oeuvre était à la base de ce manque d'intérêt chez les chercheurs occidentaux.

Ce qui est de plus étrange encore c'est que même le prix Nobel de littérature décerné à Bounine en 1933 n'a rien changé dans ce comportement. Il était le premier à obtenir ce prix et c'est grâce à ce prix même qu'on a commencé à traduire ses livres en d'autres langues. Pourtant cela n'a pas duré longtemps et ce qui est aussi étrange c'est qu'on a traduit beaucoup moins de livres en français, à comparer, par exemple, avec un autre écrivain émigré A. M. Remizov. Les éditions Gallimard, prestigieuses alors et de nos jours, ont publié quelques traductions, mais quels livres étaient traduits? «Le Village»¹³, «Le monsieur de San-Francisco»¹⁴! Les livres dont le penchant idéologique est bien clair: on y entendrait la critique de la Russie tsariste. Ce triste destin est commun pour les écrivains de la première vague d'émigration

russe: ils n'étaient presque pas traduits. Par exemple, en 50 ans de sa vie d'émigré Boris Zaitsev a vu la publication de deux livres traduits en français «Anne» et «La guirlande dorée»¹⁵.

Les lettres de Bounine à son agent littéraire M. A. Gofman font connaître des événements inconnus de sa biographie liés à la publication de ses livres en français, en anglais, en allemand. Ce qui nous intéresse surtout c'est l'histoire de la publication en France de ses «Mémoires», le volume paru le 14 décembre 1950 à Paris. Les lettres nous apprennent que «les Mémoires» étaient encore envoyés aux éditions Gallimard, Plon, mais le contrat était enfin signé avec la maison d'édition Calmann-Lévy. On peut y voir qu'avant l'apparition de l'édition russe¹⁶ l'écrivain avait déjà signé le contrat avec l'éditeur français. Mais la traduction française a provoqué un fort mécontentement de Bounine: «En fait, l'insolence des éditions C-L est sans précédent: de quel droit pouvaient-elles à leur manière définir l'ordre de mes articles? (nous soulignons — R.G.) Pourquoi le livre s'ouvre-t-il sur Tchekhov?»¹⁷. Des «Mémoires» du lauréat du prix Nobel ont été supprimés quelques articles («Sa Majesté», «Les Semenov et les Bounine», «Ertel», «Maïakovski», «Hegel, frac, tempête de neige»). Et dans une autre lettre à Gofman: «Je voudrais vous dire que dans les éditions anglaise et américaine l'ordre des articles composant le livre de mes «Mémoires» doit reproduire celui de l'édition russe et ne pas représenter ce désordre dégoûtant que M. C. Levy s'est permis d'en faire»¹⁸ (nous soulignons — R.G.).

книги вызвал нарекания Бунина: «Вообще издательство С-Л по наглости беспримерное: какое, например, имели они право по-своему устанавливать порядок моих статей? (Подчеркнуто нами. — Р.Г.) Почему книга начинается с “Чехова”?»¹⁸. Из «Воспоминаний» Нобелевского лауреата были исключены и несколько глав («Его Высочество», «Семеновы и Бунины», «Эртель», «Маяковский», «Гегель, фрак, метель»). В другом письме Гофману: «Я хотел Вам сказать, что в английском и американском изданиях расположение статей, составляющих книгу моих “Воспоминаний”, должно быть такое, как в русском издании, а не то безобразие, которое позволил себе сделать С. Levy»¹⁹ (Подчеркнуто нами. — Р.Г.).

Возникает и еще один вопрос: почему «Окаянные дни» появились во французском переводе²⁰ только в конце восьмидесятых годов, после публикации в СССР²¹? Дело в том, что эта книга, как ни странно, была на Западе неактуальна, неприятна и как бы «не созвучна эпохе», ведь почти все французские издательства тогда имели определенный левый уклон. Вот почему для «Окаянных дней» не нашлось ни издательства, ни переводчика. Почти все французские переводчики, работавшие, например, на «Галлимар», — бывшие коммунисты или их идейные сторонники, и разве они могли позволить себе взяться за перевод такой книги? И только благодаря перестройке в СССР «Окаянные дни» увидели свет наконец и во Франции. Ради справедливости надо отме-

тить, что за последние годы появился ряд новых переводов книг Бунина на французский язык, но они были сделаны только потому, что в постсоветской России его стали печатать большими тиражами. Та же ситуация сложилась и с переводами произведений Бориса Зайцева, Алексея Ремизова и Гайто Газданова. Первый однотомник прозы И.С. Шмелева²², который среди французских славистов имеет репутацию реакционера и антисоветчика, вышел в Москве тиражом в один миллион экземпляров.

Интересно, что уже в последние десятилетия французские слависты-коммунисты пишут предисловия и послесловия к произведениям Бунина и других писателей-эмигрантов без каких бы то ни было сомнений. Почему же они раньше, до распада Советского Союза, не писали о Бунине и других писателях-эмигрантах? За пять лет дружбы и сотрудничества с Б.К. Зайцевым я не встретил у него в гостях ни одного французского слависта. Где же они были? Предположу, что занимались своей карьерой, опасаясь, что общение с представителями литературы зарубежной России может им навредить.

Очередной юбилей дает возможность напомнить, что И.А. Бунин по праву считается первым из художников зарубежной России. Присуждение ему Нобелевской премии было воспринято в эмигрантской среде не только как признание его заслуг, но и как признание русской литературы в изгнании, как победа всей эмиграции. Эта награда вызвала огромное воодушевление в русском рассеянии,

Encore une question se pose: pourquoi l'édition des «Jours maudits» en français¹⁹ n'a paru qu'à la fin des années 1980, après la publication du livre en URSS?²⁰ En effet, ce livre n'était pas très actuel pour l'Occident, si étrange que cela puisse paraître, de plus, il était même désagréable et pas «à l'unisson de l'époque» étant donné que toutes les éditions de ce temps-là avaient des préférences tendant à la gauche. Ainsi n'a-t-on pas trouvé pour ce livre d'éditeur ni de traducteur. Presque tous les traducteurs français travaillant chez les éditions Gallimard étaient soit d'anciens communistes, soit des sympathisants, comment auraient-ils pu se permettre de traduire un tel livre? Grâce aux temps de la perestroïka en URSS les «Jours maudits» ont été publiés enfin en France. Il faut quand même souligner que ces dernières années de nouvelles traductions en français ont vu le jour mais seulement parce qu'en Russie post-soviétique Bounine a commencé à être publié à grand tirage. La même situation a eu lieu avec les traductions de Boris Zaïtsev, Alexeï Remizov, Gaïto Gazdanov. Le premier volume de la prose de I. S. Chmeliov²¹, ayant parmi les slavistes français la réputation d'un réactionnaire et un anti-soviétique, a paru à Moscou avec un tirage de million d'exemplaires.

Il est intéressant à souligner que ces dernières décennies les slavistes-communistes français écrivent sans hésiter des préfaces et des postfaces aux oeuvres de Bounine et celles d'autres auteurs émigrants russes. Pourquoi n'ont-ils rien écrit sur ces écrivains avant la chute de l'Union soviétique? En cinq ans de notre

amitié avec B. K. Zaïtsev je n'ai vu chez lui aucun slaviste français. Où étaient-ils? Je supposerais qu'ils se soient occupés de leur carrière ayant peur que les rencontres avec un représentant de la littérature russe d'émigration ne nuisent à leur statut.

Encore un anniversaire nous permet de nous rappeler que I. A. Bounine est à classer parmi les premiers artistes de la Russie étrangère. Cette attribution du prix Nobel a été accueillie dans le milieu des émigrants non seulement comme la reconnaissance de ses mérites personnels mais aussi comme la victoire de l'émigration russe, comme la reconnaissance de la littérature russe en exil. Ce prix a provoqué une forte émotion chez les Russes habitant alors presque sur tous les continents: il ne reste qu'à feuilleter la presse russophone de 1933-1934 pour s'en assurer. Je voudrais y citer cette phrase de Mark Aldanov faite en novembre 1933: «Le triomphe d'un écrivain russe célèbre est un triomphe de toute la littérature d'émigration. C'est ainsi que nous l'avons accueilli. C'est ainsi que les écrivains plus «adultes» que nous l'ont accepté, ceux dont le noms ont été nommés tant de fois à l'occasion du prix Nobel. Cela fait leur honneur»²². Il n'est pas à contredire que tous les collègues de Bounine le comprenaient, tous ses «camarades de plume», comme les appelait B. K. Zaïtsev, le comprenaient. Mais le premier fut Bounine, et non seulement parce qu'il a reçu le prix Nobel, mais parce qu'il a prouvé, par sa vie même, son intransigeance par rapport à la dictature soviétique, et de plus même qu'il a créé ses

простиравшимся тогда едва ли не по всем континентам — достаточно перелистать русскоязычную прессу 1933 — 1934 годов. Здесь не могу не процитировать запись Марка Алданова, сделанную им в ноябре 1933 года: «Торжество знаменитого русского писателя есть торжество всей эмигрантской литературы. Так мы всё это и приняли. Так это приняли и старшие из нас, имена которых не раз назывались в связи с Нобелевской премией. Это делает им большую честь»²³. Бесспорно, все его коллеги это прекрасно понимали, все товарищи по перу, как любил говорить Б.К. Зайцев, это осознавали. Однако первым из первых Бунин был не только потому, что получил Нобелевскую премию, но и потому, что своей жизнью доказал абсолютную непримиримость по отношению к коммунистической диктатуре, а кроме того, еще и потому, что главные литературные шедевры создал именно в эмиграции.

Нельзя забывать, что долгое время в России не полагалось упоминать, что Бунин, Мережковский, Зайцев, Ремизов, Шмелев, Бальмонт, Георгий Иванов написали свои лучшие книги в изгнании. Это противоречило тезису, что художник будто бы не может творить, будучи оторванным от родной почвы, и долгие годы в работах советских ученых звучали весьма сомнительные утверждения. В качестве одного из ярких примеров можно процитировать следующий пассаж доктора филологических наук ЛГУ Ю.А. Андреева во вступительной статье к «Избранному» А.М. Ремизо-

ва: «Отрыв от отечества сказался сугубо отрицательно на всех без исключения писателях-эмигрантах. Для Алексея Ремизова отрыв от России был чреват творческим бесплодием»²⁴. Комментарии представляются излишними. Теперь, наконец, ни у кого в России не вызывает сомнения или протеста, что лучшие произведения И.А. Бунина — «Митина любовь», «Солнечный удар», «Жизнь Арсеньева», «Освобождение Толстого», «Темные аллеи», «Воспоминания»²⁵ — написаны во Франции. И Бунин наравне с другими писателями-эмигрантами тем самым доказал не только духовную, но и творческую силу. Писать по-русски в отрыве от родины, в совершенно ином мире, в другой языковой стихии, несмотря на возраст, трудные материальные и психологические условия — поистине художнический подвиг. И каждый из писателей-эмигрантов по-своему, в меру своих сил, его совершил.

Из близкого круга друзей Бунина я волею судеб знал многих и даже дружил с Б.К. Зайцевым, Г.Н. Кузнецовой, Л.Ф. Зуровым, А.В. Бахрахом, Г.В. Адамовичем, В.В. Вейдле, Н.Н. Берберовой, И.В. Одоевцевой, З.А. и Д.А. Шаховскими, С.М. Лифарем, А. Седых, Ю.К. Терапиано, В.С. Варшавским, Н.Н. Оболенским, А.Е. Величковским, С.Ю. Прегель, Н.В. Кодрянской, Л.Д. Червинской, Т.Д. Логиновой-Муравьевой... Сколько интересного и любопытного они мне рассказывали о И.А. Бунине! Конечно, они все хранили благодарную память о нем, прекрасно понимая, что

vrais chefs-d'oeuvre littéraires au temps de l'émigration.

Il ne faut pas oublier que depuis longtemps on ne pouvait pas mentionner en Russie soviétique que Bounine, Merejkovski, Zaitsev, Remizov, Chmeliov, Balmont, Georgii Ivanov avaient écrit leurs meilleurs livres en exil, ce fait contredisant la thèse selon laquelle l'artiste était incapable de créer s'il était éloigné de sa patrie, et pendant de longues années les chercheurs soviétiques remplissaient leurs travaux de telles affirmations douteuses. Je n'ai qu'un exemple à citer, un passage tiré du livre d'un docteur ès Lettres de LGU Iu. A. Andreev dans son avant-propos publié dans le volume «Ecrits choisis» de Remizov: «La rupture avec la Patrie a joué un mauvais tour à tous les écrivains émigrés sans exception. Chez Alexeï Remizov cette rupture a provoqué une stérilité créatrice»²³. Il n'y a rien à commenter dans ce passage. Enfin, personne en Russie contemporaine ne douterait ni contesterait que les meilleures oeuvres de Bounine, à savoir «L'Amour de Mitia», «Le Coup de soleil», «La Vie d'Arseniev», «La délivrance de Tolstoï», «Les allées sombres», «Les Mémoires», soient écrites en France. Et Bounine a prouvé, avec les autres écrivains émigrés, non seulement sa force spirituelle mais aussi sa force créatrice. Ecrire en russe étant éloigné de sa patrie, dans un autre monde, dans une culture de langue étrangère, malgré son âge, malgré les pénibles conditions matérielles ou psychologiques c'est un vrai exploit d'artiste. Et chaque écrivain émigré l'a accompli, selon ses forces et ses capacités.

Je connaissais beaucoup de gens de l'entourage de Bounine et nous étions même parfois de bons amis avec B. K. Zaitsev, G. N. Kouznetsova, L. F. Zurov, A. V. Bachrach, G. V. Adamovitch, V. V. Weidlé, N. N. Berberova, I. V. Odoevtseva, Z. A. et D. A. Shakhovskoy, S. M. Lifar, A. Sedykh, Iu. K. Terapiano, V. S. Varchavski, N. N. Obolensky, A. E. Velitchkovsky, S. Iu. Pregel, N. V. Kodrianskaïa, L. D. Tchervinskaïa, T. D. Loginova-Muraviova... Que de choses intéressantes m'ont-ils raconté sur I. A. Bounine! Evidemment ils gardaient de bons souvenirs de cet écrivain russe classique et comprenaient qu'ils avaient eu beaucoup de chance et de bonheur d'être partie de son entourage. Pourtant il ne faut pas oublier que tous les souvenirs de n'importe quel contemporain de Bounine étaient écrits 15 à 20 ans après son décès quand, ayant calmé les passions, le temps avait achevé sa besogne.

Avant tout je voudrais me souvenir des récits de B. K. Zaitsev à la fin de sa vie qui se rappelait souvent Ivan Alexeïevitch, se souciait de leur rupture s'étant produite en janvier 1948 à cause de l'exclusion de l'Union des écrivains et des journalistes émigrés ceux qui avaient accepté de prendre le passeport soviétique ayant cru au Soviet suprême de l'Union soviétique (décret du 19 juillet 1946 de la réintégration dans la citoyenneté soviétique des anciens sujets de l'Empire russe). Il est tristement connu ce qui est arrivé aux gens naïfs qui avaient alors cru aux autorités soviétiques. Pourtant Zaitsev ne se croyait pas coupable et pensait que Bounine et lui avaient été engagés dans des dissensions politiques contre leur gré. C'était pénible

им выпала редкая удача и великое счастье войти в окружение последнего русского классика. Но говоря об этих взаимоотношениях, нельзя забывать, что воспоминания того или другого бунинского современника написаны спустя пятнадцать или двадцать лет после его кончины, когда время сделало свое дело — страсти и конфликты давно улеглись. Прежде всего, хочется вспомнить рассказы Б.К. Зайцева, который в конце жизни часто вспоминал Ивана Алексеевича; переживал их разрыв, случившийся в январе 1948 года из-за исключения из эмигрантского Союза писателей тех, кто взял советский паспорт, поверив указу Президиума Верховного Совета СССР от 19 июня 1946-го о восстановлении в гражданстве СССР подданных бывшей Российской Империи. Чем обернулось возвращение на родину для этих наивных людей, поверивших советской власти, к сожалению, хорошо известно. Однако Зайцев не считал себя виноватым, полагая, что они с Буниним поневоле оказались вовлечены в политическую распрю. Ему было тягостно об этом вспоминать. Борис Константинович говорил, что за месяц до смерти Ивана Алексеевича послал ему письмо с предложением помириться. Бунин так и не ответил, поскольку сил ответить ему уже не хватило. Зайцев очень переживал о произошедшем, ведь он с большим уважением относился к Бунину. Он признавал первенствующее положение Бунина в русской зарубежной литературе, с чем никто не спорил, даже представители младшего

поколения. Этот факт был очевиден, думается, и для Мережковского, Гиппиус²⁶, Ремизова, Шмелева, Набокова, Газданова, не говоря о Ходасевиче, Адамовиче, Шаршуне, Терапиано, Одоевцевой, Шаховской и др. Борис Константинович неоднократно подчеркивал близость Бунина к народу, несмотря на барственность последнего. За последние десять лет жизни Зайцев немало написал о Бунине, об их встречах и взаимоотношениях, гордился тем, что был с ним «на ты». Именно на литературном вечере в зайцевской квартире в Москве (в доме на углу Гранатного переулочка и улицы Спиридоновка) 4 ноября 1906 года после чтений Иван Алексеевич познакомился с Верой Николаевной Муромцевой, верной и преданной спутницей всей его жизни²⁷. Вот что писал Зайцев в одной из последних статей: *«Все же, в начале эмиграции в особенности, интерес к восточным пришельцам был у культурной и не крайне левой части французской литературы и интеллигенции. Наиболее ярко выступило это в присуждении Нобелевской премии русскому, Бунину, в 1933 году. Был и советский кандидат, Горький, с именем всемирным, чего у Бунина не было. Но Шведская Академия предпочла бесподданного эмигранта. В эмиграции русской это присуждение встречено было восторженно. Как бы “последние да будут первыми”»*²⁸.

Борис Константинович как-то мне сказал: «Вам надо обязательно встретиться с Галиной Николаевной Кузнецовой». Он относился к ней

pour lui de s'en souvenir. Boris Konstantinovitch disait qu'un mois avant la mort de Ivan Alexeïevitch il lui avait envoyé une lettre avec la proposition de se réconcilier. N'ayant plus de forces Bounine n'avait pas répondu alors. Zaitsev se tourmentait beaucoup à cause de cette querelle, en effet il respectait et même vénérât Bounine. Il acceptait la position dominante de Bounine dans la littérature russe d'émigration ce qui était aussi incontestable pour les plus «jeunes» générations. C'était clair, je pense, pour bien d'autres — pour Merezkovski, Hippus²⁴, Remizov, Chmeliov, Nabokov, Gazdanov, sans parler de Khodassevitch, Adamovitch, Charchoune, Terapiano, Odoevtseva, Shakhovskaïa, etc. Boris Konstantinovitch a beaucoup de fois souligné l'intimité des relations de Bounine avec le peuple malgré son aristocratie. Les dix dernières années de sa vie Zaitsev a beaucoup écrit sur Bounine, sur leurs rencontres et relations, il était fier d'avoir tutoyé ce grand écrivain. C'est à une soirée littéraire dans l'appartement de Zaitsev à Moscou (dans la maison au croisement des rues Granatnii pereulok et Spiridonovka) le 4 novembre 1906 après les lectures que Ivan Alexeïevitch a fait connaissance avec Véra Nikolaevna Mouromtseva, une compagne fidèle de toute sa vie²⁵. Voilà ce que Zaitsev a écrit dans un de ses derniers articles: «Et pourtant, surtout au début de l'émigration il y avait un fort intérêt envers des étrangers d'Orient chez les intellectuels et les écrivains français qui n'étaient pas de gauche — chose devenue évidente après la décision de décerner le prix Nobel à un écrivain russe, à Bounine, en 1933. Il y avait encore un autre candidat, un écrivain soviétique

Gorki, universellement connu, le cas contraire de Bounine. Mais l'Académie suédoise lui a préféré un émigrant libre sans citoyenneté. L'émigration russe a accueilli cette nouvelle avec enthousiasme. C'était comme dans la phrase «les derniers seront les premiers»²⁶.

Boris Konstantinovitch m'a dit un jour: «Vous devriez aller voir Galina Nikolaevna Kouznetsova». Il l'estimait beaucoup, la respectait et a fait des éloges de son livre «Le Journal intime de Grasse». B. K. Zaitsev a écrit pour moi une lettre de recommandation: «Chère Galina, c'est René Ioulianovitch Guerra, quelqu'un de ma connaissance (un bon ami), qui vous transmettra ce petit mot. Il est d'origine française, futur professeur de littérature russe. Il s'intéresse à Bounine et va écrire sur lui. Ne refusez pas de lui parler de Grasse, de la vie là-bas etc. Il est un bon Français, je vous écris à la hâte, je vous embrasse la main. Cordialement, Bor. Zaitsev 24.IV.70». C'est exprès pour cette rencontre que je suis arrivé à Munich en juillet 1970, pour faire connaissance avec la muse de Bounine. Dans le journal de Véra Nikolaevna on peut lire des mots généreux, nobles et sages: «Je ne peux pas empêcher Ivan d'aimer celle qu'il veut, si cet amour-ci prend sa source aux cieux. Qu'il aime Galina ... — pourvu que cet amour soit doux pour son âme»²⁷.

Galina Nikolaevna m'a accueilli d'une manière très aimable et même touchante. Notre connaissance lui a fait plaisir, d'abord, parce que j'avais une recommandation de Boris Konstantinovitch, et puis parce que j'étais français et elle traduisait à l'époque le roman «Genitrix» de François Mauriac²⁸ sorti avec la préface

с большим уважением, очень ценил, с высокой похвалой отзывался о книге «Грасский дневник». Б.К. Зайцев написал для меня рекомендательное письмо: *«Дорогая Галина, записку эту передаст Вам мой знакомый (хорошо знакомый) Ренэ Юлианович Герра, французского происхождения, будущий профессор Русской Литературы. Он интересуется Буниным, будет писать о нем — не откажите рассказать ему о Грассе, о жизни там и т.п. Он хороший француз, пишу наспех, будьте здоровы, целую ручку. Ваш Бор. Зайцев 24.VI.70»*. Ради этой встречи в июле 1970 года я специально поехал в Мюнхен, чтобы познакомиться с музой Ивана Бунина. В дневнике Веры Николаевны можно прочесть в записи от 13 октября 1929 года великодушные, благородные и мудрые слова: *«Я не имею права мешать Яну любить, кого он хочет, раз любовь его имеет источник в Боге. Пусть любит Галину... — только бы от этой любви было ему сладостно на душе»*²⁹.

Галина Николаевна очень любезно, даже трогательно приняла меня. Знакомство было ей явно приятно, поскольку, во-первых, у меня была рекомендация от Бориса Константиновича, а во-вторых, потому что я француз, а она переводила «Волчицу» Франсуа Мориака²⁹, которая вышла с предисловием Бунина. Кузнецова, безусловно, любила Францию и особенно Грас и Лазурный берег, ведь ее лучшие годы были связаны с этими незабываемыми местами. Несколько часов подряд мы беседовали за чашкой чая. Конечно, разговор строился вокруг

Бунина, но и сама Галина Николаевна меня тоже интересовала как представительница младшего поколения писателей-эмигрантов. О чем она еще рассказала? Например, о том, как они с Маргаритой Августовной Степун, переехав в Нью-Йорк, с 1949 года помогали Бунину. И не потому, что хотела похвастаться этим, отнюдь. Ей просто хотелось показать, что между ними с Буниным не было полного разрыва, они оставались друзьями³⁰, и Кузнецова немало помогла ему в издательских и финансовых делах. Они с Маргой были связующими звеньями между писателем и издательством имени Чехова в Нью-Йорке, когда готовились к печати книги Бунина «Жизнь Арсеньева», «Весной, в Иудее», «Митина любовь», «Солнечный удар» и другие, а также во взаимоотношениях Бунина с австрийскими и немецкими издательствами. Разумеется, при всех наших беседах с начала и до конца присутствовала Маргарита Августовна, которая меня также очень тепло и дружелюбно приняла.

Трогательны надписи Веры Николаевны на своей книге «Жизнь Бунина. 1870 — 1906»³¹ Галине Николаевне: *«Настоящее чудо: книга вышла ко дню его рождения! В ней много тягостного, много страданий, печали, но все же эти годы прекрасны — среди нашей прелестной поэтической природы, в наших городах, в общении со своим народом, в творческом напряжении, словом, дома! Дорогой Гале дружески и сердечно. Автор. Париж 23.10.1958»* и Маргарите Августовне: *«Дорогой Марге, мою “мозаичную” книгу на*

de Bounine. Sans aucun doute Kouznetsova aimait la France et surtout Grasse et La Côte d’Azur, les meilleures années de sa vie étaient liées à ces endroits. Nous bavardions des heures en buvant du thé. Bien sûr que notre conversation portait sur Bounine mais Galina Nikolaevna m’intéressait aussi comme la représentante de la jeune génération des écrivains-émigrés. Qu’est-ce qu’elle me racontait? Par exemple comment Margarita Avgustovna Stepun et elle aidaient Bounine ayant déménagé à New York depuis 1949. Elle ne voulait pas s’en vanter, pas du tout. Elle voulait montrer qu’il n’y avait jamais de rupture entre Bounine et elle et qu’ils restaient de bons amis, Kouznetsova l’aidant dans ses affaires financières et ses rapports avec les éditions. Marga et elle étaient les mailles qui joignaient Bounine et les éditions Tchekhov à New York au moment où les oeuvres «La Vie d’Arseniev», «Un printemps en Judée», «L’Amour de Mitia» allaient paraître. De plus, elles s’occupaient des rapports de Bounine avec les éditions autrichiennes et allemandes. Effectivement lors de nos conversations il y avait toujours Margarita Avgustovna qui m’a accueilli aussi chaleureusement.

Je trouve particulièrement touchante l’inscription faite par Véra Nikolaevna dans son livre «La vie de Bounine. 1870-1906»²⁹ offert à Galina Nikolaevna: «C’est un vrai miracle! La date de parution du livre est la date de son anniversaire! Il est très pénible, ce livre, plein de souffrance, de tristesse, et pourtant ces années étaient merveilleuses — les années passées dans ces paysages poétiques, dans nos villes, dans les conversations avec les siens, dans cette tension

créatrice, bref, à la maison! A très chère Galia, cordialement et amicalement. Auteure. Paris 23.10.1958» et encore une inscription adressée à Margarita Avgustovna: «A ma chère Marga, portez un jugement sévère sur mon livre «en mosaïque». Amicalement et cordialement Véra Bounina. Paris 23.10.1958». Dans les archives de Galina Nikolaevna sur un de ses livres³⁰ il y a une inscription faite par Ivan Alexeïevitch déjà après leur séparation: l’écrivain y partageait son envie que Kouznetsova gardât de lui de bons souvenirs. De plus, sur une de ses photos prises à la même époque il y a aussi une inscription: «Voilà quel homme je fus .. pas comme maintenant».

J’étais très proche avec un excellent critique littéraire Vladimir Vasilyevich Weidlé, un amateur et compagnon fidèle du poète Khodassevitch sur lequel il a écrit son premier livre³¹. Je suis son héritier et exécuteur testamentaire. Je garde dans mes archives une partie de lettres de Bounine à Weidlé, d’autres se trouvent aux archives Bakhmeteff à l’université Columbia. Ces lettres font comprendre que Bounine estimait beaucoup l’opinion de Weidlé et chaque fois lui demandait d’écrire un compte rendu sur ses nouveaux livres. Effectivement ce fait en dit long. Comme l’a remarqué G. P. Struve: «Parmi tout ce qui était écrit par des critiques étrangers sur Bounine le plus juste était écrit par V. V. Weidlé...»³² De plus, je connaissais personnellement Gueorgui Viktorovitch Adamovitch que j’ai vu beaucoup de fois à Paris et à Nice.

Pour conclure je voudrais dire que la première vague d’émigration a sa propre histoire — résistance, recul, fuite, chemin

строгий суд. Дружески и душевно Вера Бунина. Париж 23.10.1958». В архиве Галины Николаевны на одной из книг³² сохранилась надпись Ивана Алексеевича уже после их расставания, которая свидетельствует о его желании, чтобы Кузнецова сохранила о нем добрую память. А на одной из его фотографий есть надпись, сделанная в то же время: «Вот каким я был, не то, что сейчас».

Я близко знал блестящего литературного критика Владимира Васильевича Вейдле, преданного почитателя и соратника поэта В.Ф. Ходасевича, о котором он написал первую монографию³³. Я являюсь его душеприказчиком и наследником. В моем архиве хранится часть писем Бунина к Вейдле, другие находятся в Бахметьевском архиве Колумбийского университета. По этим письмам видно, что Бунин высоко ценил мнение Вейдле и каждый раз просил его написать рецензию на свои новые книги. Конечно, это говорит о многом. Как справедливо писал Г.П. Струве: «Из многого, что было сказано зарубежной критикой о Бунине, всего ближе к сути дела то, что писал о нем В.В. Вейдле...»³⁴ Я знал и Георгия Викторовича Адамовича, с которым не раз встречался и в Париже, и в Ницце.

В заключение хочу сказать: у первой волны своя история — сопротив-

ление, отступление, бегство, хождение по мукам, встреча с чужбиной, осмысление прошлого и осознание миссии: *быть не в изгнании — а в послании*³⁵. Феномен первой русской эмиграции уникален, так как ей нет аналогов в мировой истории; лучшее оправдание этой волны — ее культурное наследие. Нельзя забывать: все то, что создали в трудных материальных и психологических условиях русские эмигранты — поэты, писатели, философы, богословы, художники, композиторы — в Советском Союзе находилось под запретом семьдесят лет. Об их подвиге было принято либо умалчивать, либо хулить его. Все советские энциклопедии были наполнены чувством отторжения и ненависти к белоэмигрантам — тема эта по причинам, не требующим объяснений, десятилетиями обходилась молчанием. Книжки писателей-эмигрантов находились в СССР в спецхранах. Сколько было разоблачителей и хулителей русского рассеяния, которое по праву можно назвать Зарубежной Россией, ибо она сумела сберечь и приумножить достояние дореволюционной культуры. Униженные, изгнанные из большевистской России, объявленные ее врагами, белые эмигранты сохранили до конца любовь к родине и веру в ее возрождение.

des tourments, rencontre avec l'étranger, réflexions sur le passé et compréhension de sa mission: ne pas être exilé — mais missionnaire³³. Le phénomène de la première vague est unique, il n'y a rien d'analogue dans toute l'histoire mondiale; et la meilleure justification de cette vague gît dans son héritage culturel. Il ne faut pas oublier que tout ce qui était créé dans des conditions matériellement et psychologiquement lourdes par des émigrés russes — poètes, écrivains, théosophes, peintres, compositeurs, — tout leur héritage était interdit en Union soviétique plus de 70 ans. On avait l'habitude de passer sous silence leur exploit ou même le dénigrer. Toutes les encyclopédies soviétiques

étaient pleines d'aversion et de réjection des Russes-blancs et ce sujet n'était pas élaboré depuis des dizaines d'années, et ce silence est tout à fait compréhensible. Les livres des écrivains émigrés se trouvaient en URSS dans des spetskhans («département de conservation spéciale»). Il y a eu énormément de dénigreur et de dénonciateurs de l'émigration russe qu'on pourrait facilement appeler la Russie étrangère parce qu'elle a su conserver et multiplier les trésors de la culture prérévolutionnaire. Humiliés, exilés de la Russie bolchévique, devenus ses ennemis, les Russes-blancs ont conservé jusqu'à la fin de leur vie cet amour de la patrie et la foi en sa renaissance.

1. Бабореко А.К. Дороги и звоны. М.: Московский рабочий, 1993. 211 с.

2. Лавров В.В. Холодная осень. Иван Бунин в эмиграции (1920 — 1953). М.: Молодая гвардия, 1989. 383 с.

3. Бабореко А.К. И.А. Бунин. Материалы для биографии (с 1870 по 1917). М.: Художественная литература, 1967. 303 с.

1. Baboreko A.K. Dorogi i zvony. M.: Moskovskij Rabochij, 1993. 211 p.

2. Lavrov V.V. Holodnaja osen'. Ivan Bunin v jemigracii (1920 — 1953). M.: Molodaja gvardija, 1989. 383 p.

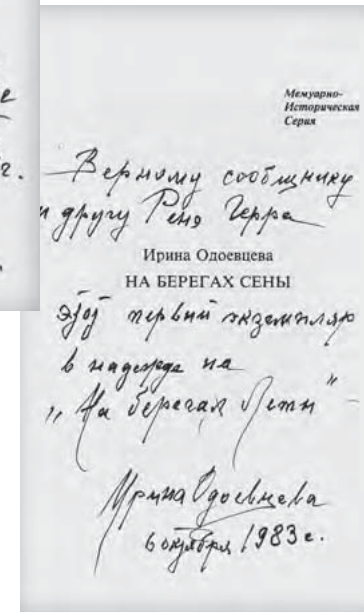
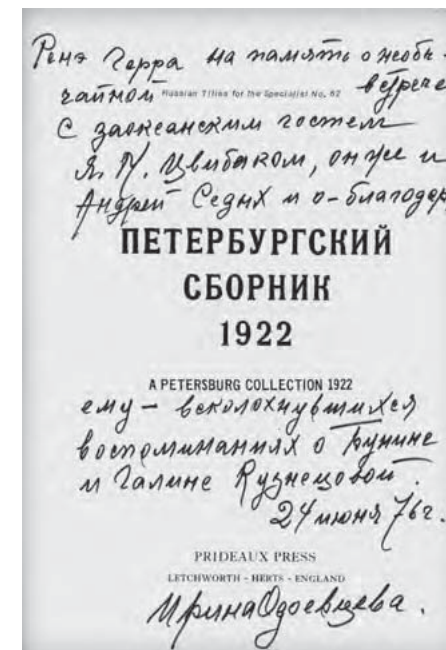
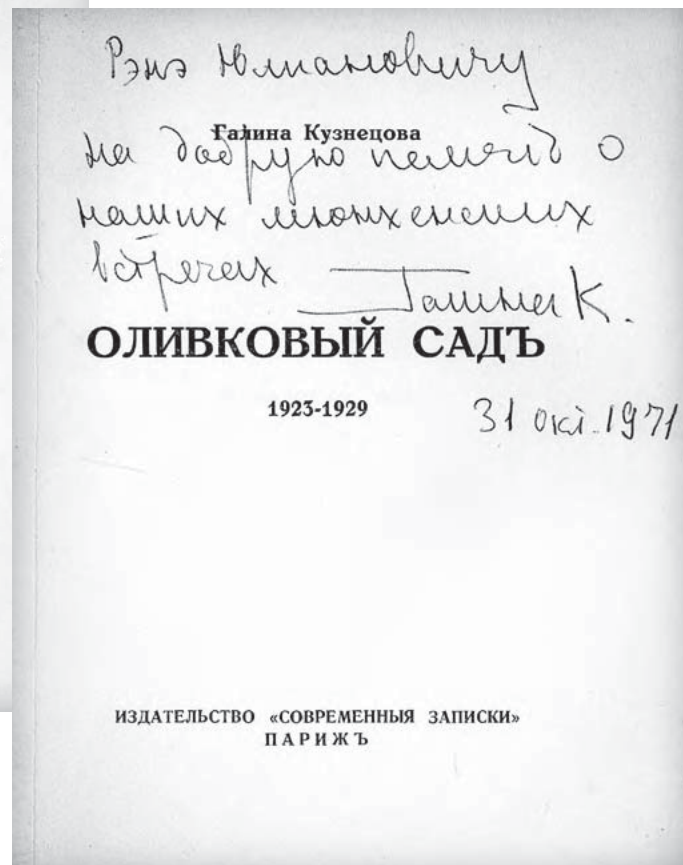
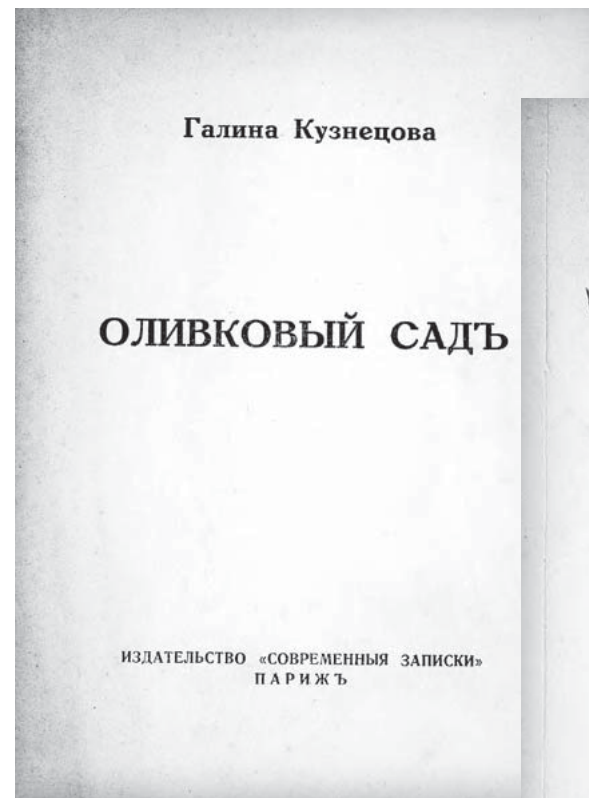
3. Baboreko A.K. I.A. Bunin. Materialy dlja biografii (s 1870 po 1917). M.: Hudozhestvennaja literatura, 1967. 303 p.

4. Михайлов О.Н. Иван Бунин. Окаянные дни. М.: Молодая гвардия, 1991. 335 с.
5. Михайлов О.Н. И.А. Бунин. Жизнь и творчество. Тула: Приокское книжное издательство, 1987. 319 с.
6. Михайлов О.Н. Бунин Иван Алексеевич // Литературная энциклопедия Русского Зарубежья. 1918 — 1940. Т. 1. Писатели Русского Зарубежья. М.: РОССПЭН, 1997. С. 90.
7. Литературное наследство. Том 84. Иван Бунин: В 2 кн. Кн. 1. М.: Наука, 1973. 696 с.; Кн. 2. 551 с.
8. Адамович Г.В. Бунин. Воспоминания // Новый журнал. Нью-Йорк. 1971. № 105. С. 115-137.
9. Бунин И.А. Окаянные дни. М.: Советский писатель, 1990. 175 с., тираж 400 000 экз.; Бунин И. Окаянные дни. Под серпом и молотом / Сост. Р. Тименчик. Рига: Изд. ЦК КП Латвии, 1990. 237 с., тираж 100 000 экз.; Бунин И. Окаянные дни / Вступ. ст. А.К. Бабореко. М.: Советский писатель, 1990, 414 с., тираж 100 000 экз.; Бунин И. Лишь слову жизнь дана... / Сост., вступ. ст., примеч. и имен. указ О.Н. Михайлова. М.: Советская Россия, 1990. 368 с., тираж 50 000 экз.; Михайлов О.Н. Иван Бунин. Окаянные дни / Сост. предисл. О.Н. Михайлова. М.: Молодая гвардия, 1991. 335 с., тираж 200 000 экз.; Бунин И.А. Окаянные дни / Предисл. О.Н. Михайлова, примеч. С. Крыжицкого. Тула: Приокское книжное издательство, 1992. 319 с., тираж 75000 экз.
10. Таубер Е.Л. Под сенью оливы. Париж: Дом книги, 1948. 35 с. Экземпляр с дарственной надписью: «Галине Николаевне Кузнецовой, автору “Оливкового сада” с дружеским приветом от автора».
11. Зайцев Б.К. Чехов. Литературная биография. Нью-Йорк: Изд. им. Чехова, 1954. 260 с.; Бунин И.А. О Чехове. Незаконченная рукопись / Предисловие М.А. Алданова. Нью-Йорк: Изд. им. Чехова, 1955. 412 с.
12. Кузнецова Г.Н. Грасский дневник. Вашингтон: Изд. В. Камкин, 1967. 315 с.
13. Bounine Ivan. Prix Nobel. 1933. Le Village. 10e édition nrf. Paris: Gallimard, 1934. 292 p.
14. Bounine Ivan. Prix Nobel. 1933. Le monsieur de San Francisco. 10e édition nrf. Paris: Gallimard, 1934. 342 p.
15. Zaitsev Boris. Anna. Ed. Saint-Michel, Paris, 1931, 279 с. (Les Maîtres étrangers) / Zaitsev Boris. La guirlande dorée. Paris: Hachette, 1933. 286 p. (Collection Les meilleurs romans étrangers).
16. Bounine Ivan. Prix Nobel. Mémoires. Traduit du russe par Hélène Bayan. Paris: Calmann-Lévy, éditeurs, 1950. 178 p.
17. Бунин И.А. Воспоминания. Париж: Возрождение — La Renaissance, 1950. 272 с.
18. Бунинские материалы из архива М.А. Гофмана. Письмо декабрь 1950 или январь 1951 // Филологические записки. Воронеж. 2003. Вып. 20. С. 22.
19. Бунинские материалы из архива М.А. Гофмана. Письмо от 25 января 1951 // Филологические записки. Воронеж. 2003. Вып. 20. С. 22.
20. Bounine Ivan. Joursmaudits. Lausanne: L'Âge d'Homme, 1988. 179 p.
21. Фрагменты из «Окаянных дней» вошли в Собрание сочинений Бунина в 6 томах: Т. 6. М.: Художественная литература, 1988. 670 с.
22. Шмелев И.С. Избранное. М.: Правда, 1989. 688 с.
23. Алданов М.А. Выбор Шведской Академии. И.А. Бунин // Иллюстрированная Россия. Париж. 1933. № 48 (446). 25 нояб. С. 3.

4. Mihajlov O.N. Ivan Bunin. Okajannye dni. M.: Molodaja gvardija, 1991. 335 p.
5. Mihajlov O.N. I.A. Bunin. Zhizn' i tvorcestvo. Tula: Priokskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1987. 319 p.
6. Mihajlov O.N. Bunin Ivan Alekseevich // Literaturnaja jenciklopedija Russkogo Zarubezh'ja. 1918 — 1940. T. 1. Pisateli Russkogo Zarubezh'ja. M.: ROSSPJeN, 1997. P. 90.
7. Literaturnoe nasledstvo. Tom 84. Ivan Bunin: V 2 kn. Kn. 1. M.: Nauka, 1973. 696 s.; Kn. 2. 551 p.
8. Adamovich G.V. Bunin. Vospominanija // Novyj zhurnal. N'ju-Jork. 1971. № 105. P. 115-137.
9. Bunin I.A. Okajannye dni. M.: Sovetskij pisatel', 1990. 175 p., tirazh 400 000 jekz.; Bunin I. Okajannye dni. Pod serpom i molotom / Sost. R. Timenchik. Riga: Izd. CK KP Latvii, 1990. 237 p., tirazh 100 000 jekz.; Bunin I. Okajannye dni / Vstup. st. A.K. Baboreko. M.: Sovetskij pisatel', 1990, 414 p., tirazh 100 000 jekz.; Bunin I. Lish' slovu zhizn' dana... / Sost., vstup. st., primech. i imen. ukaz O.N. Mihajlova. M.: Sovetskaja Rossija, 1990. 368 p., tirazh 50 000 jekz.; Mihajlov O.N. Ivan Bunin. Okajannye dni / Sost., predisl. O.N. Mihajlova. M.: Molodaja gvardija, 1991. 335 p., tirazh 200 000 jekz.; Bunin I.A. Okajannye dni / Predisl. O.N. Mihajlova, primech. S. Kryzhickogo. Tula: Priokskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1992. 319 p., tirazh 75000 jekz.
10. Tauber E.L. Pod sen'ju olivy. Parizh: Dom knigi, 1948. 35 p. Le livre avec une dédicace: «A Galina Nikolaevna Kouznetsova, auteure du “Le Jardin d'oliviers”, avec un salut amical de l'auteure»).
11. Zajcev B.K. Chehov. Literaturnaja biografija. N'ju-Jork: Izd. im. Chehova, 1954, 260 p.; Bunin I.A. O Chehove. Nezakonchennaja rukopis' / Predislovie M.A. Aldanova. N'ju-Jork: Izd. im. Chehova, 1955, 412 p.
12. Kuznecova G.N. Grasskij dnevnik. Vashington: Izd. V. Kamkin, 1967, 315 p.
13. Bounine Ivan. Prix Nobel. 1933. Le Village. 10e édition nrf. Paris: Gallimard, 1934. 292 p.
14. Bounine Ivan. Prix Nobel. 1933. Le monsieur de San Francisco. 10e édition nrf. Paris: Gallimard, 1934. 342 p.
15. Zaitsev Boris. Anna. Ed. Saint-Michel. Paris. 1931. 279 p. (Les Maîtres étrangers) / Zaitsev Boris. La guirlande dorée. Paris: Hachette. 1933. 286 p. (Collection Les meilleurs romans étrangers).
16. Bunin I.A. Vospominanija. Parizh: Vozrozhdenie — La Renaissance, 1950. 272 p.
17. Buninskie materialy iz arhiva M.A. Gofmana. Pis'mo dekabr' 1950 ili janvar' 1951 // Filologicheskie zapiski. Voronezh. 2003. Vyp. 20. P. 22.
18. Buninskie materialy iz arhiva M.A. Gofmana. Pis'mo ot 25 janvarja 1951 // Filologicheskie zapiski. Voronezh. 2003. Vyp. 20. P. 22.
19. Bounine Ivan. Joursmaudits. Lausanne: L'Âge d'Homme, 1988. 179 p.
20. Les fragments des “Jours maudits” ont été publiés dans les Oeuvres complètes de Bounine en 6 tomes: T. 6. M.: Hudozhestvennaja literatura, 1988. 670 p.
21. Shmelev I.S. Izbrannoe. M.: Pravda, 1989. 688 p.

24. Ремизов А.М. Избранное / Сост., подготовка текста, вступит. статья и коммент. Ю.А. Андреева. М.: Художественная литература, 1978. С. 32.
25. Вот что писала Зинаида Гиппиус Вере Николаевне Буниной 9 ноября 1932-го за год до присуждения И.А. Бунину Нобелевской премии по литературе: «Если же, как это вероятно, получит Ив. Ал., мы испытываем громадную за него и за вас радость, и даже без примеси чисто человеческой зависти... Но пусть Ив. Ал. в со-радости нашей не сомневается, уж помимо всего прочего — даже по разуму: собственно надежд Д.С. [Мережковский. — Р.Г.] все равно не имел, а какому русскому не радостно и не гордо, что его соотечественник оценен по достоинству?» // Пахмусс Темира. Из архива Мережковских: письма З.Н. Гиппиус к И.А. Бунину. Cahiers du Monde russet soviétique. Paris. 1981. Vol. XXII (4).
26. Муромцева-Бунина В.Н. Жизнь Бунина. 1870 — 1906. Париж: [б. и.], 1958. С. 170.
27. Зайцев Б.К. Изгнание // Русская литература в эмиграции. Сборник статей / Под ред. Н.П. Полторацкого. Питтсбург: Отд. славян. яз. и лит. Питтсбургского ун-та, 1972. С. 4.
28. Устами Буниных: дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и др. арх. Материалы: В 2 т. / Под ред. Милицы Грин. Т. 2. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1981. С. 210.
29. Мориак Ф. Волчица (Genitrix) / Пер. Г.Н. Кузнецовой, предисл. И.А. Бунина. Париж: Русские записки, 1938. 117 с.
30. Дарственная надпись Галины Кузнецовой И.А. Бунину на своей книге стихов «Оливковый сад» (Париж: Современные записки, 1937): «До смертной сени будем помнить мы / Страны великолепной, как Эллада, / Пологие и синие холмы... С благодарной любовью и памятью моему дорогому. Ноябрь 1937 г. Париж».
31. Муромцева-Бунина В.Н. Жизнь Бунина 1870 — 1906. Париж: [б. и.], 1958. 171 с.
32. Бунин И.А. Воспоминания. Париж: Возрождение, 1950. 272 с. Инскрипт автора: «Из книг Г.Н. Кузнецовой. Ив. Бунин 29.IX.50. Париж».
33. Вейдле В. Поэзия Ходасевича. Париж: [б. и.], 1928. 64 с. Отпечатано 100 нумерованных экз. В моем книжном собрании хранятся: экз. № 10 с дарственной надписью: «Милому Рене Юлиановичу Герра старенькую эту книжечку надписывает старый его друг — автор. 5.IV.75»; экз. № 43: «Дорогому Рене Юлиановичу Герра от преданного ему автора. 5.II.77»; экз. № 69: «Рене Юлиановичу Герра с дружеским чувством от автора. В.В. Париж, 8.IV.79».
34. Струве Г.П. Русская литература в изгнании. Опыт исторического обзора зарубежной литературы. Нью-Йорк: Изд. им. Чехова, 1956. С. 249.
35. Берберова Н.Н. Лирическая поэма // Современные записки. Париж. 1927. № 30. С. 230.

22. Aldanov M.A. Vybór Shvedskoj Akademii. I.A. Bunin // Illjustrirovannaja Rossija. Parizh. 1933. № 48 (446). 25 nojab. P.3.
23. Remizov A.M. Izbrannoe / Sost., podgotovka teksta, vstupid. stat'ja i komment. Ju.A. Andreeva. M.: Hudozhestvennaja literatura, 1978. P. 32.
24. Voilà ce que Zinaïda Hippus a écrit à Véra Bounina le 9 novembre 1932 avant que Bounine ait obtenu le prix Nobel de littérature: «Si Iv. Al., ce qui est fort probable, reçoit ce prix, nous en serons très ravis, pour lui et pour vous, et même sans cette envie tout à fait humaine... Mais que Iv. Al. ne doute pas de notre joie, parce que, quoi qu'il en soit, soyons raisonnables: D. S. [Merejkovski. — R.G.] n'avait pas beaucoup d'espoir, mais quel Russe ne serait pas fier que son compatriote soit évalué comme il le mérite ?» // Pahmuss Temira. Iz arhiva Merezkhovskih: pis'ma Z.N. Gippius k I.A. Buninu. Cahiers du Monde russet soviétique. Paris. 1981. Vol. XXII (4).
25. Muromceva-Bunina V.N. Zhizn' Bunina. 1870 — 1906. Parizh: [b. i.], 1958. P. 170.
26. Zajcev B.K. Izgnanie // Russkaja literatura v jemigracii. Sbornik statej / pod red. N.P. Poltorackogo. Pittsburg: Otd. slavjan. jaz. i lit. Pittsburgskogo un-ta, 1972. P. 4.
27. Ustami Buninyh: dnevniki Ivana Alekseevicha i Very Nikolaevny i dr. arh. Materialy: V 2 t. / pod red. Milicy Grin. T. 2. Frankfurt-na-Majne: Posev, 1981. P. 210.
28. Moriak F. Volchica (Genitrix) / Per. G.N. Kuznecovoj, predisl. I.A. Bunina. Parizh: Russkie zapiski, 1938. P. 117.
29. Muromceva-Bunina V.N. Zhizn' Bunina 1870 — 1906. Parizh: [b. i.], 1958. 171 p.
30. Bunin I.A. Vospominanija. Parizh: Vozrozhdenie, 1950. 272 p. Inscription de l'auteur: «Des livres de G. N. Kouznetsova. Iv. Bounine 29.IX.50. Paris».
31. Vejdle V. Pojezija Hodasevicha. Parizh: [b. i.], 1928. 64 p. 100 exemplaires numérotés. Dans mes archives il y en a trois: l'exemplaire n°10 avec une dédicace: «A très cher René Ioulianovitch Guerra ce vieux petit livre signé par son vieil ami-auteur. 5.IV.75»; l'exemplaire n°43: «A cher René Ioulianovitch Guerra de son ami fidèle. 5.II.77», l'exemplaire n°69: «A René Ioulianovitch Guerra avec un sentiment très amical de l'auteur. V.V. Paris, 8.IV.79».
32. Struve G.P. Russkaja literatura v izgnanii. Opyt istoricheskogo obzora zarubezhnoj literatury. N'ju-Jork: Izd. im. Chehova, 1956. P. 249.
33. Berberova N.N. Liricheskaja pojema // Sovremennye zapiski. Parizh. 1927. № 30. P. 230.

Посвящение И. Одоевцевой о встрече Р. Герра с А. Седых, секретарем И. Бунина

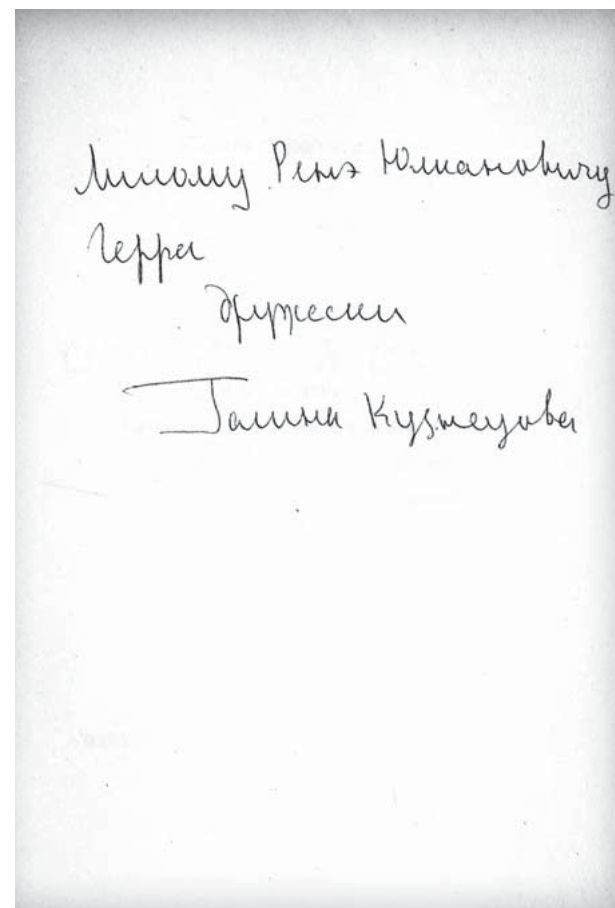
И. Одоевцевой. На берегу Сены. Париж, 1983
Посвящение автора Р. Герра © Р. Герра

Посвящение И.В. Одоевцевой на книгу «Петербургский сборник 1922»: Рене Герра на память о необычайной встрече с заокеанским гостем Я.М. Цвибаком, он же и Андрей Седых и о — благодаря ему — всколыхнувшихся востоминаниях о Бунине и Галине Кузнецовой. 24 июня 76 г. Ирина Одоевцева.

Dédicace de I. Odoevtseva sur la rencontre de R. Guerra avec A. Sedykh, secrétaire de I. Bounine

Odoevtseva. Sur les rives de la Seine. Paris, 1983 Dédicace de l'auteur à R. Guerra © R. Guerra

La dédicace de I. V. Odoevtseva sur le livre «Le recueil de Saint-Petersbourg 1922»: A René Guerra en mémoire d'une rencontre merveilleuse avec l'hôte d'outre-Atlantique Ia. M. Zwieback, alias Andrei Sedykh, et des souvenirs subitement réveillés en nous de Bounine et Galina Kouznetsova. Le 24 juin 1976 Irina Odoevtseva.

Г. Кузнецова. Оливковый сад.
Стихотворения. Париж, 1937
Посвящение автора Р. Герра © Р. Герра
G. Kouznetsova. Jardin des oliviers.
Poèmes. Paris, 1937
Dédicace l'auteure à R. Guerra © R. Guerra

Литературное наследство. ▶
М.: Наука, 1973. Посвящение
Г. Кузнецовой и Р.Герра © Р. Герра
Literaturnoe nasledstvo.
М., Nauka, 1973 Dédicace
de G. Kouznetsova à R. Guerra © R. Guerra

